

Litera

Правильная ссылка на статью:

Винья-Тальянти Я., Сидорова Е.Н. — «Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69092 EDN: ZYJODK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69092

«Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина

Винья-Тальянти Якопо

ORCID: 0000-0001-8449-544X

старший преподаватель, кафедра иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К. А. Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ jacopo.vignataglianti@gmail.com

Сидорова Елизавета Николаевна

ORCID: 0000-0002-1550-1145

преподаватель, кафедра иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К. А. Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ elizavetasidorova5@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69092

EDN:

ZYJODK

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2023

Аннотация: В статье рассматривается вопрос «видимости» переводчика на примере перевода повести «Гробовщик» А.С. Пушкина, опубликованного Э. Тедзой в литературной газете «Ateneo Veneto» в 1884 г. Данный перевод выбран авторами статьи в качестве объекта исследования по двум причинам: во-первых, он имеет важное значение в истории межкультурных отношений России и Италии, поскольку представляет собой первый перевод пушкинской повести на итальянский язык; во-вторых, автор

данного перевода – известный академик XIX в., исследования которого касались разных направлений филологии, лингвистики, компаративистики, в т.ч. перевода. Следовательно, вопреки доминирующей в то время стратегии доместикации, в переведённом тексте возможно выявить различные текстуальные элементы, отражающие личность Э. Тедзой и доказывающие его «видимость». Отправной точкой исследования стало изучение биографии переводчика, позволяющее конкретно контекстуализировать данный перевод в определённый момент жизни Э. Тедзы. Сравнительный анализ текстов оригинала и перевода позволило идентифицировать переводческие единицы, представляющие собой особый интерес для переводоведения. Следовательно, были проанализированы переводческие приёмы и стратегии, применённые в процессе их передачи на итальянский язык. Научная новизна исследования заключается в применении такого вида анализа к ранее не изученному произведению. Проведённое исследование привело авторов к следующим выводам: в переведённом тексте наблюдается общая стратегия доместикации при переводе русских реалий, что является основной характеристикой переводов конца XIX в. и чаще всего ассоциируется с концепцией «невидимости» переводчика. Однако, система очень детализированных пояснительных сносок отражает личность Э. Тедзы как этнографа, тем самым делая его «видимым». Использование широкого спектра тосканизмов в переводе указывает на биографию его автора, который в 1884 г. жил в городе Пиза. Также в тексте присутствует пример языковой интерференции с сербского языка, который свидетельствует о Тедзе как полиглоте. Таким образом, доказано, что личность переводчика при подробном анализе языковых средств и переводческих приёмов становится «видимой».

Ключевые слова:

видимость переводчика, перевод реалий, переводческие приёмы, переводческие стратегии, доместикация в переводе, история перевода, сравнительный анализ, критика перевода, анализ перевода, итальянский язык

Введение

«Почтовые лошади просвещения» – так А. С. Пушкин назвал переводчиков в известном афоризме 1830 г., имея в виду значимость их деятельности в создании литературных, культурных и деловых связей между разными странами. Сам Александр Сергеевич увлекался переводом, а его произведения переведены на десятки языков во всём мире. В Италии самый первый перевод Пушкина издан в 1841 г., когда пизанский поэт Ч. Боччелла опубликовал сборник «Четыре главные поэмы Александра Пушкина», в который вошли «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы» и «Братья разбойники». Первое произведение в прозе, переведённое на итальянский язык, представляет собой анонимный перевод «Капитанской дочки», опубликованный в 1876 г. в Милане [\[1-2\]](#).

С тех пор накопилось множество переводов как поэтических, так и прозаических работ Пушкина, что является отличительной чертой итальянского книжного рынка: как отмечает А. Ямпольская, перевод в Италии – это низкооплачиваемый и низко оцениваемый вид деятельности, поэтому издательству, захотевшему опубликовать новое издание уже переведённого произведения, намного выгоднее заказать новый перевод, нежели приобрести у правообладателя права на переиздание старого [\[3\]](#).

В частности, «Повести покойного И. П. Белкина» переведены на итальянский язык семь раз: в 1931 г. писателем и антифашистским политическим активистом Леоне (Львом Фёдоровичем) Гинзбургом (изд-во Славия); в 1936 г. поэтом и переводчиком Ринальдо Кюфферле (изд-во Барион); в 1946 г. «отцом» итальянской славистики, профессором и академиком Этторе Ло Гатто (изд-во Де Карло); в 1948 г. писателем и поэтом, представителем итальянского сюрреализма Томмазо Ландольфи (изд-во Бомпьяни); в 1950 г. профессиональным переводчиком Сильвио Полледро (изд-во Риццоли); в 1985 г. профессиональной переводчицей Лучаной Монтаньяни (изд-во UTET); и в 2006 г. известным писателем, журналистом и блогером Паоло Нори (изд-во Фельтринелли). Однако, уже в июне 1884 г. – чуть ли не за полвека до первого полного издания «Повестей Белкина» – вышел в литературной газете «Ateneo Veneto» отдельный перевод повести «Гробовщик», выполненный выдающимся филологом, профессором и академиком Пизанского университета Эмилио Тедзой, который является объектом данного исследования [\[4\]](#).

Как отметил Л. Вентути в одноимённой истории перевода, отличительной чертой современного рынка переводов является концепция «невидимости» переводчика, согласно которой хорошим считается тот переводчик, который остаётся незаметным на фоне «видимого» автора. Соответственно, в «хорошем» переводе читатель должен ощутить только вкус, слог и личность автора, а не переводчика. Однако, переводчик не может полностью аннулировать себя и создает языковое произведение, соответствующее собственному литературному вкусу и профессиональному мастерству, а также содержащее все особенности личной речи в плане грамматики, лексики и синтаксиса [\[3, 5-6\]](#).

За последнее десятилетие вопросы этики перевода стали всё чаще и чаще сосредоточиться на роли самого переводчика, в частности обращая внимание на ключевой вопрос о «видимости» или «невидимости» переводчика, который заменял традиционную сопоставлению между «верным» и «вольным», «дословным» и «свободным» переводом. Иными словами, если ранее центром внимания переводческих исследований был сам перевод (в частности, переведённый текст в сравнении с текстом-подлинником), теперь скорее всего рассматриваются различные аспекты процесса перевода или деятельности переводчика в целом. Возникшая парадигма обуславливает актуальность нашего исследования, в котором «видимость» переводчика представлена как отражение его биографии, его научных интересов и его подхода к своей деятельности в переведённый текст.

Для достижения цели данного исследования были идентифицированы и решены следующие задачи:

1. изучить биографию Э. Тедза в целях контекстуализации исследуемого перевода в определённый момент его жизни;
2. сравнить текст-подлинник и переведённый текст, чтобы выявить элементы, представляющие собой особый интерес с переводческой точки зрения, в частности русских реалий;
3. проанализировать переводческие стратегии и приёмы, применённые Э. Тедзой при переводе ранее выявленных «проблемных» элементов текста-подлинника;
4. провести языковой анализ перевода с целью выявления идиолекта переводчика.

Что касается методов исследования, при изучении биографии Э. Тедзы применены методы анализа и синтеза, позволяющие выяснить основные черты его профессиональной деятельности в качестве учёного и переводчика. Метод анализа был также применён в сравнении текста-подлинника и его перевода, что позволило нам идентифицировать ключевые переводческие единицы, выяснить применённые Тедзой переводческие стратегии и приёмы, вывести из переведённого текста примеры его идиолекта.

Первичным материалом исследования является перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина, выполненный переводчиком Эмилио Тедзой и опубликованный в 1884 г. в литературной газете «Ateneo Veneto» [4]. Дополнительные источники включают статьи онлайн и оффлайн энциклопедии, посвящённые Э. Тедзе; некролог П. Райны, опубликованном в выпуске газеты «Il Margosso» от 7 июля 1912 г.; научная работа учёных В. Крещини и К. Фрати, состоящая из биографии и полного библиографического списка трудов Тедзы [7]; статья Э. Паскуччи, посвящённая переводческой деятельности Тедзы [8]; комментарий самого Тедзы к переводу «Гробовщика» [4 с. 574].

Теоретической базой исследования послужили труды Л. Венути, Э. Пима, Р. Аррохо, К.М. Шериффа, К.Р. Эммериха, Ц. Чзан, Дж. Лааксонена и К. Коскинена, П.В. Ключина, посвящённые этике перевода и вопросу «(не)видимости» переводчика [5, 9-16]. Кроме того, работы Дж. Корбетта, И.В. Войнич Ю.Т. Богровой представляют примеры практического применения концепции «(не)видимости» переводчика по отношению к отдельным произведениям [17-19]. Важным аспектом анализа исследуемого перевода оказалась система паратекстуальных элементов (комментарий, пояснительные), которым посвящены научные труды С.Дж. Келлмана, К. Толедано Буендия, М. Подлевских Карлстром [20-22].

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике перевода, этике перевода, переводоведению.

Результаты и их обсуждение

Как мы уже отметили, первый перевод пушкинской повести «Гробовщик» опубликован в 1884 г. в июньском выпуске литературной газеты «Ateneo Veneto» [4]. Автором данного перевода выступил венецианский филолог, этнограф и переводчик Эмилио Тедза (1831-1921). Современники описывают Тедзу как «выдающегося человека», подчёркивая разносторонность его научных интересов, объём опубликованных научных работ и переводов (с латыни и санскрита, древнегреческого, английского, французского, немецкого, шведского, окситанского, испанского, португальского, армянского, венгерского, чешского, сербского, болгарского и конечно же русского языков), количество изученных им языков (кроме вышеперечисленных, они изучал ещё китайский, японский, монгольский, а также языки коренных народов Океании и Америки и несколько креольских языков). С русского языка, помимо «Гробовщика», он перевёл поэмы «Братья разбойники» А.С. Пушкина и «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова. Согласно некрологу в газете «Il Margosso», Италия в его лице потеряла наипрекраснейшего полиглота, который в ней когда-либо жил. После работы библиотекарем в Венеции и Флоренции, в 1860 г. Тедза стал доцентом компаративистики в Болонском университете, затем профессором санскрита в Пизанском университете, в котором его выбрали дважды на должность ректора в 1880-81 и 1884-85 учебных годах. В 1891 г. стал членом

Национальной академии деи Линчеи, старейшей и самой престижной академии наук Италии [7].

Согласно Э. Паскуччи, перевод «Гробовщика» Э. Тедзы можно считать примером стратегии доместикации, поскольку он адаптирует содержание текста-подлинника к своему жизненному опыту, перемещая повесть в реальность своего времени [8 с. 212]. Такой подход заявляет сам переводчик в своем комментарии к переводу:

Il Pus'kin racconta e non declama: se non paresse, la colpa è mia. Rileggendo, veggio che ora sparisce un po' troppo il russo, e ora l'italiano: si mescola il giallo e l'azzurro, salta fuori il verde [4 с. 574].

Пушкин рассказывает, а не декламирует: если вам так не кажется, виноват – я. Перечитывая свой перевод, вижу, что где-то исчезает русский, а где-то – итальянский: смешивается жёлтый с синим, выскакивает зелёный (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – В. Я.)

Однако, в переводе «Гробовщика» ярко выражен другой аспект личности Э. Тедзы – его интерес к этнографическим исследованиям. Таким образом, в переводе наблюдается некий контраст между двумя противоположными подходами: с одной стороны, Тедза старается предоставить читателю текст, который в максимальной степени понятый и приятный, используя – более или менее удачно – аналогичные итальянские реалии; с другой стороны, профессионализм этнографа проявляется в системе сносок, в которых он очень подробно описывает те русские реалии, которые он заменил итальянскими, хотя данные сноски могут казаться иногда странными и, пожалуй, лишними [8 с. 214].

Первым примером этнографического подхода Э. Тедзы является перевод заголовка повести как «*appaltatore di funerali*». За исключением самого Тедзы и Л. Гинзбурга, все переводчики переводят слово «гробовщик» как «*fabbicante di bare*» (т.е. *производитель гробов*), используя максимально этимологически приближенное выражение к русскому оригиналу. Выбранное Тедзой выражение переводится буквально на русский как «подрядчик похорон»; с переводоведческой точки зрения, данный перевод является своего рода экспликацией – как показывает сама повесть, в должностные обязанности гробовщика входили не только изготовление и продажа гробов, но и всеобщая организация похорон, транспортировка гроба из траурного зала на кладбище и, наконец, погребение. Однако, этнографический подход Тедза проявляется в решении комментировать применение такого переводческого приёма сноской:

La parola, che è *grobv's'ik*, non si troverà in tutti i lessici: come il *grobotes* e il *grobodélja*, sarebbe il maestro che fa le casse: e così lo spiega il Dal (*Tolkovyj Slovar*). Ma la novella ne allarga l'ufficio e la dignità [4 с. 574].

Данное слово, т.е. *гробовщик*, не присутствует во всех словарях: как *гроботес* и *грободеля*, обозначает мастера, изготавливающего гробы: и так его определяет Даль (*Толковый словарь*). Однако, повесть расширяет спектр его деятельности и его достоинство.

Таким образом, выбор Тедзы может казаться оправданным, однако Э. Паскуччи отмечает, что термин «подрядчик» относится скорее к сфере общественных работ и услуг и, соответственно, не подходит для такого вида ремесленного, «семейного» бизнеса, как у главного героя повести А. Прохорова [8 с. 213].

Особый интерес для нас представляют переводческие стратегии, применённые Тедзой в

трактовке русских реалий. В наши дни, итальянские читатели уже давно привыкли к тому, что в русской классике встречаются транслитерированные термины, значение которых можно узнать либо в сносках, либо в приложенном глоссарии [8, 23]. В XIX в., однако, была намного более распространённой стратегия доместикации, при которой переводчик выбрал и заменил русские реалии на более или менее эквивалентные итальянские аналоги. Например, Тедза переводит самовар как «tettiera», т.е. «чайник», и «кивот» как «altarino», т.е. «маленький алтарь» (в итальянской традиции это небольшой столик или комод, на котором стоят иконки, свечи, цветы, фотографии или портреты погибших родственников), «гривенник» как «lira» (денежная единица Королевства Италии и потом Итальянской республики до 2000 г.) [4 с. 575, 582, 575, 579]. Переводя предметы одежды, в частности слова «кафтан», «сюртук» и «халат», Тедза применяет приём генерализации и использует для всех троих обобщённый термин «abito», т.е. «платье, костюм, вещь» [4 с. 577, 581, 582].

Однако, уникальность перевода Тедзы представляют собой сноски, в которых иногда он оправдывает свои переводческие решения и информирует читателя о реалиях, присутствующих в тексте-подлиннике. Например, ключевой персонаж повести – будочник Юрко – по нации определён как «чухонец», т.е. финн (с пренебрежительным оттенком). Тедза, однако, перевод данное слово как «d'Estonia», т.е. «эстонец», комментируя свой выбор долгой сноской:

Nel testo si ha *C'uhonec* <...> e potrebbe valere anche uomo di Finlandia. Prescelgo l'altra provincial perché dal grande lessico del Wiedemann ho la sicurezza che *Jurka* è un nome usato in Estonia e nulla potrei affermare dei finni. È noto che gli slavi diedero nome di *C'ud* alle genti altaiche che stavano, e stanno, loro accanto: e aggiungeremo, a migliore spiegazione della parola, col *Safar'ick* nelle sue *Antichità slave* (*Slovanské staroz'itnosti*, V Praze 1837 p. 240) che nel russo ant. i finni si chiamavano e *C'uchna* e *C'uhonci* e *C'uchari* [4 с. 577].

В тексте *Чухонец* <...>, что может также означать человека из Финляндии. Предпочитаю этот вариант, т.к. по лексикону Видеманна я уверен, что *Юрка* – это эстонское имя, а насчёт финнов ничего не могу говорить. Известно, что славяне называли «чудь» все алтайские народы, которые жили – и живут – рядом с ними: хочу ещё добавить, чтобы лучше объяснить данное слово, что в «Славянских древностях» Шафарика (*Slovanské starožitnosti*, Прага, 1873 г., с. 240) написано, что финнов называли и «чухна», и «чухонцы», и «чухари».

Возвращаясь домой после того, как главного героя повести подняли на смех, А. Прохоров задаётся вопросом: «Разве гробовщик гаер святочный?». И в этот раз Тедза применяет приём доместикации и переводит «гаер святочный» как «burattino», т.е. «марионетка»; однако, в сноске он снова пытается приблизить читателя к русской культуре:

Gaer svjatoc'ny: un buffone che serve di spasso nelle feste solenni [4 с. 577].

Гаер святочный: шут, который развлекает людей во время великих праздников.

Иногда доместикация некоторых слов в переводе Тедзы обусловлена общепринятыми социальными нормами его времени: именно по этой причине он переводит выражение «мертвецов православных» как «quelli che sono morti nel seno della santa chiesa», т.е. «те, кто умер в лоне святой церкви» [4 с. 579], избегая слова «ortodosso» (православный), которое – как отмечает Э. Паскуччи – в XIX в. использовалось исключительно для обозначения римских католиков [8 с. 215].

Очень интересной является переводческая находка Э. Тедзы при трактовке русского обращения «батюшка». Ю. Добровольская в своём учебнике по переводу с русского на итальянский приводит данное слово как пример «укоренившейся» ошибки, поскольку очень часто его переводят как «piccolo padre», буквально – «маленький отец» [23 с. 8]. Переводческое решение Э. Тедзы, наоборот, можно считать особенно интересным и удачным: он переводит это слово как «compare», т.е. «товарищ», когда его произносят друзья и приятели; как «sor padrone», т.е. «господин хозяин», когда к Прохорову так обращается служанка. Следует отметить, что в последнем случае служанка – в отличие от оригинала – обращается к нему на «Вы», а не на «ты» [4 с. 579, 582; 8 с. 213-214]. Таким образом, оба варианта перевода слова «батюшка» являются примерами приёма доместикации.

Другой аспект «видимости» Э. Тедзы как переводчика – это, конечно, его идиолект. В частности, перевод «Гробовщика» характеризуется в лексическом плане присутствием много диалектических вариантов, типичных для тосканского диалекта. Несмотря на венецианское происхождение, в 1884 г. Тедза жил в Пизе, поэтому можно предположить, что такими формами он хотел передать некий «местный» колорит [8 с. 212]. В следующей таблице приведены примеры тосканских форм наряду с их эквивалентами в «стандартном» итальянском языке (Таб. 1).

Таблица 1 – Тосканизмы в переводе Э. Тедзы и их эквиваленты на стандартном итальянском и русском языках

Тосканизм	Стандартный вариант	Русский эквивалент	[4]
tettiera	teiera	самовар	с. 575, 582
si appigionava	si affittava	отдается внаймы	"
canzonare	prendere in giro	смеяться	с. 578, 579
sor padrone	signor padrone	батюшка	с. 579, 582
altetti	alticci	навеселе	"
briaco	ubriaco	пьян	"
codesto	questo	это	с. 580
fiaccheraio	carrettiere	извозчик	"
in un canto	subito	тотчас	с. 581
noi si è qui	siamo qui	все мы	"
cenci	stracci	рубище	"
c'era venuto il sarto	è venuto il sarto	заходил <...> портной	с. 582
avea dato una corsa	ha fatto un salto	забегал	"
è il nome del Questore	è l'onomastico del Q.	частный именинник	"
voi dormire e dormire	continuavate a dormire	ты изволил почивать	"
noi non si è voluto	non abbiamo voluto	мы не хотели	"

Ещё одна небольшая ошибка свидетельствует о личности Э. Тедзы как переводчика. Пушкин пишет «Девушки ушли в свою светлицу», а Тедза переводит «Le ragazze entrarono nella loro camera», используя глагол «entrare», т.е. «войти», вместо «уйти» [4 с. 575]. По мнению авторов статьи, выбор неподходящего глагола при переводе данного предложения обоснован языковой интерференцией третьего языка, которым переводчик владел и с которого переводил несколько произведений, а именно сербского языка, в котором предлог (и соответствующая приставка) «у» является эквивалентом русского предлога «в».

Заключение

Общие характеристики проанализированного перевода «Гробовщика» – это domestificazione зарубежных реалий и стремление к максимальному восприятию описанной реальности как «своей» со стороны читателя. Такие характеристики, как правило, способствуют «невидимости» переводчика, приближая текст к культуре и менталитету целевой аудитории. Однако, выполнив тщательный языковой и текстуральный анализ перевода, можно прийти к выводу о том, что личность Эмилио Тедзы в тексте перевода достаточно «видимая». В соответствии с поставленными задачами, можно сформулировать следующие выводы: при переводе слов и словосочетаний, описывающих незнакомые для итальянского читателя русские реалии и, следовательно, требующих применение переводческих приёмов для передачи лингвокультурного фона повести Э. Тедза применяет общую стратегию domestificazione, которая была характерна для той эпохи и традиционно ассоциируется с «невидимостью» переводчика. Однако, научные интересы Тедзы как филолога и этнографа проявляются в системе детализированных пояснительных сносок, где каждый приём domestificazione оправдывается кратким описанием или объяснением оригинального термина или словосочетания, а также приводится транслитерированный оригинал. Личность переводчика также проявляется благодаря его идиолекту, так как языковой анализ переведённого текста выделил присутствие большого количества тосканизмов в тексте перевода. Этот факт отражает биографию Тедзы, который, как выяснилось на первом этапе исследования, в момент выполнения данного перевода проживал в г. Пизе. Ещё один элемент, указывающий на личность переводчика в тексте, – это ошибка при переводе глагола «ушли»: будучи, по-видимому, связана с явлением языковой интерференции с сербского языка, она раскрывает ещё один аспект личности переводчика, а именно его полиглотизм.

Таким образом, «видимость» переводчика не только проявляется в тексте, но может и помочь читателю узнать много интересного об Эмилио Тедзе, о его интересах и в целом о его жизни.

Перспективы дальнейшего исследования включают в себя анализ других переводов Э. Тедзы, позволяющий подтвердить отражение его личности в переводческой деятельности, а также применение разработанной методики к произведениям других переводчиков в разных языковых комбинациях.

Библиография

1. Прогожин Н.П. Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л.: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1981.
2. Basella G. Alla scoperta del «genio russo» // Rivista tradurre. 2011. No. 0. URL: <http://rivistatradurre.it/2011/04/tradurre-dal-russo-2/>
3. Jampol'skaja A. Concorrenti o colleghi? Osservazioni sulle traduzioni italiane della

- letteratura russa // Quaderno del Dipartimento di Letterature Compareate – Università di Roma Tre. 2006. No. 2.
4. Teza E. Una novella di A. Pus'kin: L'appaltatore di bare; notizia letteraria / Ateneo Veneto. 1884. Serie VIII, vol. I.
 5. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 1981.
 6. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. New York: Routledge, 1995.
 7. Crescini V. Emilio Teza; segue la bibliografia del Teza a c. di C. Frati. Venezia: C. Ferrari, 1914.
 8. Pascucci E. Note ad alcune traduzioni del Grobovščik di A.S. Puškin // Studi in onore di Ettore Lo Gatto; a c. di A. D'Amelia. Roma: Bulzoni, 1980.
 9. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London – New York: Routledge, 1998.
 10. Pym A. Venuti's Visibility // Target. 1996. Vol. 8, No. 1.
 11. Arrojo R. The "death" of the author and the limits of the translator's visibility // Translation as Intercultural Communication: Selected papers from the EST Congress, Prague 1995; ed. by M. Snell-Hornby, Z. Jettmarová and K. Kaindl. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1997.
 12. Sheriff K.M. Reviewing Translations: Translator's Invisibility Revisited // Translation Today. 2008. Vol. 5, No. 1-2.
 13. Emmerich K.R. Visibility (and invisibility) // Handbook of Translation Studies, vol. 4; ed. by Y. Gambier, L. Van Doorslaer. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2013.
 14. Zhang Q. Translator's Voice in Translated Texts // Journal of Literature and Art Studies. 2016. Vol. 6, No. 2.
 15. Laaksonen J., Koskinen K. Venuti and the Ethics of Difference // The Routledge Handbook of Translation and Ethics; ed. by K. Koskinen and N.K. Pokorn. New York: Routledge, 2021.
 16. Ключин П.В. Несколько слов об этике переводчика // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2021. Т. 2, № 1.
 17. Corbett J. Now you see 'em: the visibility of Scots translators // Cadernos de Tradução. 1999. No. 1(4).
 18. Войнич И.В. Стратегия перевода и "видимость"/"невидимость" переводчика (на материале русскоязычных переводов трагедии В. Шекспира "Юлий Цезарь") // Вестник ЧелГУ. 2009. №30.
 19. Богрова Ю.Т. «Непрозрачность» текста и «фоновый шум» переводчика (на материале произведения Д. Брауна «Ангелы и демоны») // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3.
 20. Kellman S.G. Alien autographs: how translators make their marks // Neohelicon. 2010. No. 37.
 21. Toledano Buendía C. Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements // Translation & Interpreting. 2013. Vol. 5, No. 2.
 22. Podlevskikh Carlström M. The (in)visibility of translation and translators in the Swedish publication of post-Soviet Russian literature: An analysis of peritext // Stridon. Journal of Studies in Translation and Interpreting. 2022. Vol. 2, No. 2.
 23. Dobrovol'skaja J. Il russo: l'abc della traduzione. 2a ed. Venezia: Cafoscarina, 2002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья ««Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей образа переводчика художественного произведения.

Так, автор фокусируется на переводе повести «Гробовщик» на итальянский язык, выполненный выдающимся филологом, профессором и академиком Пизанского университета Эмилио Тедзой, изданном в 1884 г.

Исследование выполнено в русле теории перевода и стилистики, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Что касается методов исследования, при изучении биографии Э. Тездзы автором применены методы анализа и синтеза, позволяющие выяснить основные черты его профессиональной деятельности в качестве учёного и переводчика. Метод анализа был также применён в сравнении текста-подлинника и его перевода, что позволило нам идентифицировать ключевые переводческие единицы, выяснить применённые Тедзой переводческие стратегии и приёмы, вывести из переведённого текста примеры его идиолекта. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на итальянском и русском языках.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на иностранным языках. БОльшее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике перевода, этике перевода, переводоведении. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья ««Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина» может быть рекомендована к

публикации в научном журнале.